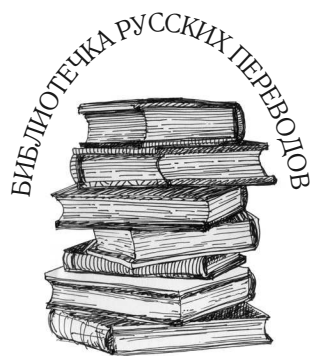

Густав Даниловский

Мария Магдалина

RUGRAM

Москва
2023

УДК 821.111.

ББК 84(4)

Д18

Текст печатается по изданию:

Даниловский, Густав. Мария Магдалина. Роман / Пер. с пол. [и введ.] С.Михайловой-Штерн. — М.; Пб. : Л.Д.Френкель, 1923. — 239 с.

Даниловский Г. Мария Магдалина : роман / Густав Даниловский; [пер. с польск.]. — М. : «Т8 RUGRAM», 2023. — 298с. — (Библиотека русского перевода).

ISBN 978-5-517-09936-5

«Мария Магдалина» — любовно-исторический роман, приближенный к реальности.

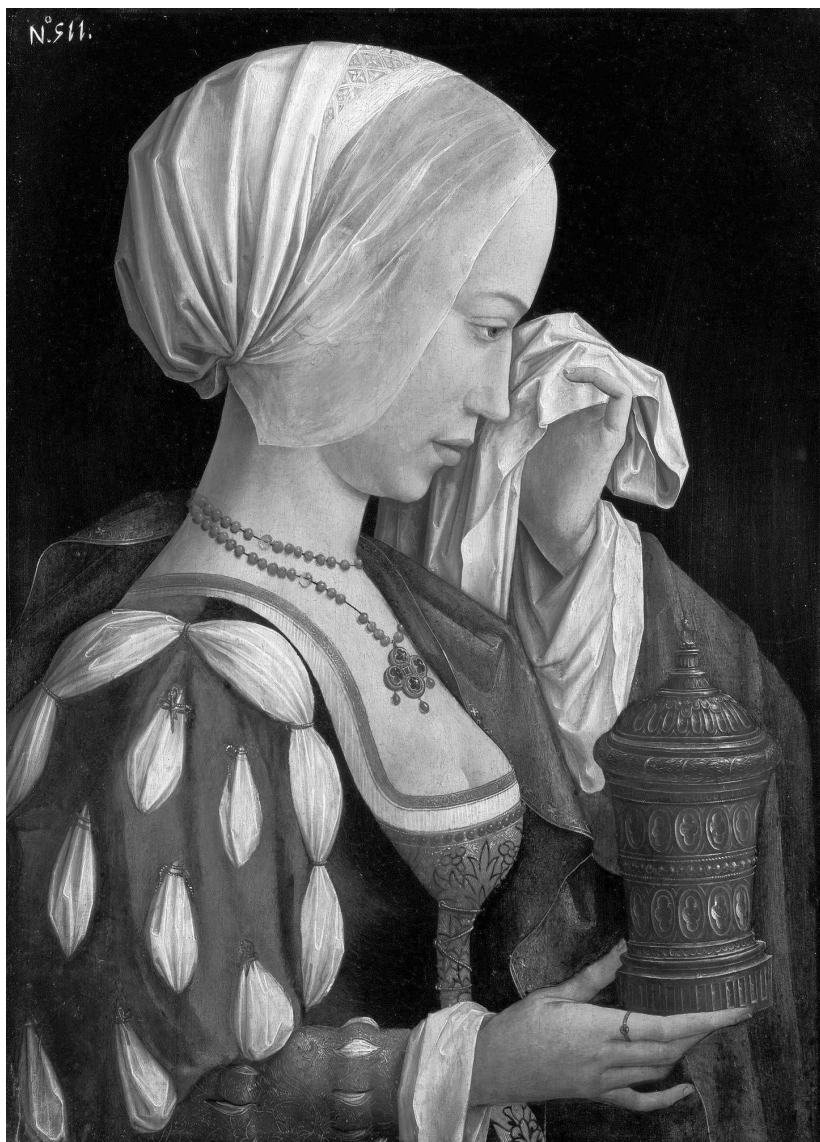
Мария изображена самой обыкновенной девушкой, не лишённой порочности, избалованности и склонности к весёлому времяпровождению с мужчинами, которые знают, что есть в городе женщина Мария по имени Магдалина, прекрасная и всегда согласная, за то ее и любят. Но вот, появляется Христос.

ISBN 978-5-517-09936-5

© «Т8 RUGRAM», 2023

© Подготовка текста, оформление,
Издатель Иванов В.Ю., 2023

Мария Магдалина

ГЛАВА 1

Среди мрачных, словно выжженных недавним пожаром, бесплодных окрестностей Иерусалима гора Елеонская, закрывавшая Иерусалим с востока, и долина Кедронская составляли благословенное исключение.

Пологий откос глубокой лощины, непосредственно примыкающий к городским стенам, был еще полон мусора и звенел отголосками крикливой суеты беспокойной столицы, но за извивавшимся на дне котловины потоком, называемым Зимним, уже расстилась зеленая мурава, а несколько шагов в сторону привлекал к себе взоры тихий Гефсиманский сад.

Позади него возвышалась высокая гора Елеонская, яркая от зелени и подернутая голубоватым туманом. Там, среди деревьев, белели маленькие домики и усадьбы. На уступах горы зеленели виноградники и плантации фиговых деревьев. Остро подымались стройные пинии и одинокие кипарисы.

Как сеть спутанных белых тесемок, извивались по всем склонам тропинки. В воздухе мелькали нежные горлицы; проносились голуби, которые бросались в ветви могучего кедра, как только издали показывалась рыжеватая, тающая на солнце тень ястреба.

Точно от играющего ветерка колебались травы и хлеба и пряно испускали свой аромат белые и голубые иссопы, мята, чабер, шафран, раскрывали пурпуровые чашечки ло-

тосы; на лугах расцветали конский щавель, высокая рута и дивные розы Сарона.

Западный склон горы, менее выжженный солнцем, был еще более плодороден, более роскошен, и тут-то и находилось одно из самых живописных мест окрестностей Иерусалима — деревушка Вифания. Из высокой Вифании перед путником расстился чарующий вид на крутые побережья Иордана, синие скалы далекой Пиреи, суровую пустыню Мертвого моря и неясный силуэт гор Моава.

Самая деревушка, окруженная венком буков и платанов, состояла из нескольких скромных домиков, среди которых выделялся стоящий несколько в стороне дом из тесаного камня, с деревянной галереей, поддерживаемой красивыми резными столбами из кедрового дерева.

Двор и сад окружены были каменной стеной, роскошно увитой розами, плющом, козодоем и другими вьющимися растениями. На всей усадьбе лежал отпечаток достатка и бережливости: цистерна посреди двора прикрыта плитами из тесаного камня, дорожки усыпаны щебнем. В небольшом, тщательно возделанном саду маслины, фиговые деревья, золотистые шелковицы, цветник и небольшой виноградник. Украшением сада была редкая в здешних местах величественная магнолия.

Усадьба эта принадлежала Симону, по прозвищу Прокаженный, а арендовал ее Лазарь, который вместе со своими сестрами переселился сюда с берегов озера Геннисарет, из местечка Магдалы.

Неизмеримо тяжело было Лазарю покидать цветущую Галилею, но неприятности, испытываемые от жены и ее родственников, стали так невыносимы, что, согласно биб-

лейскому изречению: «лучше жить в пустыне, чем со злой и сварливой женщиной», он из чудесной плодородной страны переехал в безводную Иудею и поселился на горе Елеонской, напоминающей своей свежестью и растительностью родные места...

Это был шаг необыкновенной энергии со стороны человека, который от самого своего рождения был беспомощным, нелюдимым и неспособным к реальной жизни мечтателем, погрузившимся в мираж смутных, неопределенных грез о нездешних мирах, в глухую тоску о давно минувших временах непосредственного общения с Предвечным, временах блестящих царей и ревностных пророков избранного народа.

Слабый, с больными легкими, часто впадающий в длительные обмороки, Лазарь только формально считался главою дома, в действительности же бразды правления находились в руках предусмотрительной и хозяйственной Марфы, которая неутомимо работала с самого раннего утра до вечерней звезды, В этом труде, которому она иногда отдавалась с какою-то яростью, Марфа находила исход своим буйным жизненным силам, прибежище от тяжелой заботы о больном брате и от суеверного ужаса перед своей младшей сестрой Марией Магдалиной, живущей в чаду безумия.

Недаром матери Марии, когда она носила ее, снилось перед самыми родами, что от нее родится ветер, смешанный с огнем, — дочь ее с самых юных лет стала оправдывать этот вещий сон.

Живая, как пламя, впечатлительная, необычайно привлекательная, и в то же время рассудительная, в детские годы она была радостью и светом своей семьи. Но по мере того, как развивалась ее грудь, тесно становилось ей дома, душно

и неуютно на узкой циновке девичьей спальни. Что-то неведомое гнало ее в луга, рощи, вольные поля, на пригорки, к водам, где она вместе с пастухами отдавалась своевольным шалостям, лукавой беготне, а потом тайным поцелуям и мимолетным ласкам, от которых расцветала ее красота и загоралась ее кровь.

Еще узкая в бедрах, она уже пользовалась славой несдержанной ветреницы, а вскоре потихоньку стали шептать, что и девичество ее нарушено. Пошли сплетни, оскорблявшие память ее матери, что недаром красивый греческий купец, много лет тому назад бывший в Магдале, так щедро одарил перед своим отъездом семью Лазаря, оставив ценную камеею с магической надписью, а также целую штуку узорчатой материи для будущего потомка, которым оказалась Мария.

Действительно, своим тонким правильным носиком, розовыми, маленькими, как раковины, ушами, роскошными золотисто-красноватыми волосами Мария резко отличалась от общего типа семьи Лазаря — чернокудрых брюнетов. И только ее фиолетовые, продолговатые, в часы спокойствия сонные и влажные глаза, да некоторая ленивая томность в движениях, свойственная известным своей красотой женщинам Галилеи, напоминали ее мать.

Несмотря на такую дурную репутацию, Марию все любили. Стройная, белая, точно вышедшая из молочной купели, от малейшего волнения розовеющая, словно утренняя заря, с пурпуровыми устами, полураскрытыми, как бы лопнувший цветок граната, она поражала своей неодолимой красотой, обезоруживала обаянием своей жемчужной улыбки, а длинными ресницами и протяжным ласкающим взглядом привлекала наиболее суровых. Живостью ума и пламенным